

ВОЙНА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

О. В. Мащитько,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент;
Белорусский государственный университет
культуры и искусств

В философии существует достаточно богатая традиция осмысления войны. Онтологический аспект последней был затронут уже древнегреческим философом Гераклитом. В его трудах война имеет отношение к возникновению бытия: «Должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей... и что все возникает через вражду и заимобразно (за счет другого)».

В экзистенциально-антропологической трактовке война рассматривается как то, что приводит к необратимым существенным изменениям в человеческом существовании, что «отмечает человека навсегда». «Пограничность» войны обладает высоким ресурсом смыслопорождения, обретения человеком подлинности бытия, что отражено в работах Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Я. Паточки: «Фронт – это абсурдность *par excellence*. То, что предчувствовалось, становится здесь действительностью: самое драгоценное, что есть у человека, безоглядно разрывается на куски. Осмысленным является лишь демонстрация того, что мир, который порождает нечто подобное, должен исчезнуть. Это *ad oculos* доказательство того, что мир уже в полной мере созрел для гибели». Экзистенциальный анализ актуализирует восприятие войны прежде всего как уникального опыта конечности – как с точки зрения личностного бытия, так и в эсхатологическом измерении восприятия истории – как фундаментальное потрясение мира.

Религиозно-философское восприятие войны основано на принципе связи страха и совести, а также на интуиции очищающего действия войны. В религиозном аспекте данный подход обнажает образ человека, целиком отданного на волю Провидения. Опыт смерти с религиозной точки зрения есть опыт встречи с Богом. В военных условиях этот опыт становится массовым. Пример религиозного восприятия войны можно найти в биографии Антония Булатовича. Он воспринимал войну не как социальное зло, а как нечто святое, считал,

что людям порочным нельзя идти на войну, ибо по-настоящему храбрым может быть только человек нравственно чистый: малейшее пятно на совести – и появляется трусость. Чистая совесть позволяет остаться невредимым в бою, при встрече со смертью: если ты осознаешь себя совершенно чистым, ты всегда ударишь первым, а если есть хоть малейший грех на совести, в самый важный момент рука дрогнет.

В эстетическом аспекте тема войны является частным случаем эстетизации безобразного. В качестве примера можно привести опус Джованни Папини «Полюбим войну!»: «Сколь сладкой капустой будут питаться французы в местах прежней дислокации немецкой пехоты, сколь крупный картофель будут в этом году копать в Галиции! Стрельба снайперов и минометный огонь расчищают место от старых домов и старых вещей. Убогие селения, сожженные brave солдатами, будут отстроены заново и приобретут более здоровый вид. А что до ахов и охов путешественников и профессоров, так на их долю останется предостаточно готических соборов, церквей, библиотек и замков. После нашествия варваров из руин вырастает новое искусство, всякая опустошительная война порождает новую моду. Если воля к творчеству будет, как и во все времена, черпать импульс и вдохновение из разрушения, дела хватит на всех. Полюбим войну и, как гурманы, будем наслаждаться ею, пока она продолжается. Война ужасна, но именно потому, что она ужасна, страшна, безжалостна и разрушительна, нам, как мужчинам, следует полюбить ее всей душой» (журнал «Лачерба», 1 октября 1914 г.).

В русле тенденций, связанных с «лингвистическим поворотом», одним из наиболее актуальных аспектов осмысления войны является лингвистический. При таком подходе приоритетным способом изучения социальных противоречий является рассмотрение их лингвистических преломлений, при которых социальные конфликты фиксируются и нейтрализуются в сфере языка. Примером лингвистического подхода к войне являются концепции Ж. Бодрийера, О. Розенштока-Хюсси, Р. Барта.

В концепции Ж. Бодрийера исследование социальных противоречий осуществляется исходя из принципа гиперреальности. Социальное становится гиперреальным, стирается грань между реальностью и воображаемым. Социальные противоречия перемещаются в семиотическую сферу, что проявляется в

двух содержательных моментах. Во-первых, происходит знаковая дифференциация общества, заменяющая реальные противоречия. Во-вторых, возможные протесты против «господства симулякров» также разворачиваются в семиотической сфере (что демонстрируется Бодрийяром на примере граффити) [2]. Гиперреализм социальных противоречий как таковых проявляется в принципе виртуализации войны, в рамках которого физическое уничтожение противника заменяется символическим [3].

В работах Р. Барта лингвистический уровень рассмотрения социальных противоречий также распадается на два взаимосвязанных аспекта. Первый заключается в том, что идеологические противоречия фиксируются в языке. Второй – в том, что идеологическое разделение нейтрализуется в сфере языка, а именно: при помощи мифологизации. Фиксация социальных противоречий в языке связана, прежде всего, с разделением энкратического и акратического языков, которое базируется на их отношении к власти: «Война в языке» не естественна, не изначальна. Она возникает там, где социальное различие превращается обществом в конфликт: «...предполагают даже, что существует изначальный параллелизм между разделением общества на классы, расчленением символического поля, разделением языков и невротическим расщеплением психики» [1]. Власть при этом понимается как способность к устойчивой организации дискурса. В результате разделения отдельные группы «замыкаются» в определенных лингвистических границах, что неизбежно ведет к ангажированности, принудительности языка по отношению к его носителям [1]. Способом нейтрализации социальных противоречий является мифологизация – создание социального мифа.

Еще один пример рассмотрения лингвистической фиксации идеологического разделения можно найти в концепции О. Розенштока-Хюсси. В его работах также можно различить два аспекта анализа лингвистической природы социальных конфликтов – их языковая фиксация и языковое устранение. Лингвистическая фиксация демонстрируется на основе интерпретации негативных сторон общественной жизни как имеющих языковую природу. В качестве основных «социальных бедствий» называются анархия, упадок, революция и война. Все эти явления вызваны теми или иными «болезнями языка». Языковая «болезнь» войны заключается в том, что противо-

борствующие стороны не разговаривают друг с другом, язык замыкается в границах каждого из воюющих. Революция создает новый язык. В период упадка общество слишком артикулировано, возникает лицемерие, повторение старого. При анархии отсутствует слушание того, что говорится в рамках собственного сообщества, что вызывает социальную разобщенность [6].

Тема лингвистического отображения социальных конфликтов поднимается также в постмарксизме в работах Э. Лаклау, Ш. Муфф, С. Жижека. Так, маскировка антагонизма в трактовке С. Жижека связана с конституированием «невозможного ядра реальности», «идеологического фантазма», являющегося структурообразующим элементом общества. С. Жижек иллюстрирует это на примере антисемитизма. Антисемитизм смещает акценты в знаковом функционировании идеологии: создает иллюзию, что не общество основано на антагонизме, а его источник разложения сосредоточен в конкретной его части – евреях. Еврей в этой связи выступает в качестве «искаженной репрезентации социальных противоречий». Таким образом в обществе, рассеянном антагонистическими расколами, при помощи идеологического фантазма создается такое социальное видение, при котором общество «существует», не расколото, а еврей трактуется как чужеродный элемент, привносящий разложение в здоровый социальный строй [4]. На идеологическом фантазме, в частности, построена логика оправдания новейших войн; в качестве примера С. Жижек анализирует войну в Ираке [5].

В дискурсивной концепции Э. Лаклау и Ш. Муфф антагонизм представляет собой предел, конституируемый ретроактивно, исходя из своих последствий, как травматическая точка, ставшая их причиной [7]. Например, классовая борьба – не фундаментальное означающее всех социальных феноменов, а чистая негативность, которая не позволяет социально-идеологическому полю стать тотальным. Классовая борьба представлена в последствиях, как аргумент того, что любые попытки сделать социальное поле сплошным, наделить социальные феномены раз и навсегда данным им местом в социальной структуре обречены на провал.

Таким образом, трактовка войны как лингвистического феномена предполагает, прежде всего, исследование фиксации

социальных противоречий в языке: деление на социолекты у Р. Барта, знаковая стратификация общества у Ж. Бодрийяра, лингвистическая фиксация социальных «болезней» у О. Розеншток-Хюсси, «идеологический фантазм» как средоточие социального антагонизма у С. Жижека. Кроме того, основой разделения языков во всех обозначенных теориях является отношение к власти, которая также интерпретируется в семиотическом аспекте.

1. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, Универс, 1994. – С. 133.

2. *Бодрийяр, Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387с.

3. *Бодрийяр, Ж.* Порнография войны: низость и гнусность американского могущества / Ж. Бодрийяр // ЦентрАзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1085377260>. – Дата доступа: 12.11.2013.

4. *Жижек, С.* Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Художественный журнал, 1999. – 236 с.

5. *Жижек, С.* Ирак: история про чайник / С. Жижек. – М. : Праксис, 2004. – 217 [1] с.

6. *Розеншток-Хюсси, О.* Язык рода человеческого. М. – СПб. : Университетская книга, 2000. – 608 с.

7. *Laclau, E.* Hegemony and Socialist Strategy / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London, NY. Verso, 2001. – 198 p.

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ: ПОСТ-ПОСТМОДЕРН И КОММУНИКАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

М. А. Можейко,

проректор по научной работе,

доктор философских наук, профессор;

Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла

Белорусского государственного университета

*Модерн: предпосылки деструкции
классической коммуникативной парадигмы*

Классическая культурная парадигма, предполагавшая своего рода диалог между со-субъектами любой культурной процедуры (автором и читателем, например), в рамках модерна